

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1133-1147

EDN: PIGXSQ

Политико-правовые основания взаимодействия России и Монголии как государств-цивилизаций*

А.С. Железняков^{1,2}, С.В. Никифоров^{1,2}, С. Чулуун³

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

²МГИМО МИД России,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

³Национальный Музей Чингисхана,
ул. Ж. Самбуу, район Чингэлтэй, Улан-Батор, 15160, Монголия

(e-mail: zhelezniakovas@yahoo.com; ursus-arktos@yandex.ru; samchuluun@gmail.com)

Аннотация. В условиях формирования полицентричного миропорядка актуальным становится анализ существующих социокультурных и политико-правовых оснований развития межкультурного диалога. Для России на первое место выходит задача поиска новых начал в повороте на Восток для интенсификации отношений со странами Глобального Юга и приграничными государствами. В статье с помощью инструментария цивилизационной политологии рассмотрены политико-правовые основания взаимодействия России и Монголии как государств-цивилизаций — договорная база и политический дискурс, определяющие ключевые направления развития отношений России и Монголии в контексте поворота России на Восток. Дана оценка представленности цивилизационного фактора в исторических и ныне действующих политико-правовых документах. Выдвинуты предложения по его усилению посредством консолидации тех положений, что затрагивают цивилизационное измерение двусторонних отношений, в интересах конкретизации и интенсификации российско-монгольского сотрудничества. По материалам экспозиции Национального музея Чингисхана (Монголия, Улан-Батор) авторы представили краткую характеристику этапов развития монгольской цивилизации и ее историко-культурного наследия в качестве платформы для межкультурного и межгосударственного сотрудничества как в формате двусторонних отношений России и Монголии, так и треугольника Россия-Монголия-Китай и более глобальных форматов взаимодействия с участием государств-цивилизаций Евразии и БРИКС. В результате проведенной исследовательской работы, с одной стороны, показана недостаточность и фрагментарность регулирования российско-монгольских отношений на уровне двусторонних договоров; с другой стороны, установлены знаковые положения «цивилизационного» характера в основополагающих внешнеполитических документах обеих стран, что вкупе с потребностью в формализации межкультурного сотрудничества на международном уровне и исторической ролью монгольской и российской цивилизаций в Евразии позволяет сделать вывод о перспективах развития

*© Железняков А.С., Никифоров С.В., Чулуун С., 2024

Статья поступила в редакцию 24.06.2024. Статья принята к публикации 14.10.2024.

имеющихся и введения новых положений «цивилизационного» характера» в международном нормативном регулировании со стороны России и Монголии с целью создания прочного ценностно-идеологического, социокультурного и политико-правового фундамента полицентричного мира.

Ключевые слова: цивилизационная политология; государства-цивилизации; межцивилизационное взаимодействие; российско-монгольские отношения и международные договоры; монгольская цивилизация; российская цивилизация

Сегодня Россия разворачивается на Восток: хотя в нашей истории подобное уже происходило [11], на современном этапе этот поворот стал явлением особого порядка и в этом качестве имеет свою небольшую историю. Переломным моментом, сформировавшим новое направление внешней политики России, исследователи, как правило, считают 2014 год, когда резкая реакция стран коллективного Запада на воссоединение Крыма с Россией вынудила нашу страну значительно активизировать сотрудничество с регионами Глобального Юга, в то же время уделяя больше внимания развитию восточных регионов России, прежде всего Дальнего Востока [8; 10]. Вместе с тем процесс этот не был спонтанным и развивался еще до указанной реперной точки [6], что подтверждает тезис о том, что разворот России на Восток вызван не столько ее разладом с Западом, сколько тем, что Восточная Азия становится драйвером мировой политики, сюда перемещается центр международной жизни. Как отметил В.В. Путин, «центр мирового развития сегодня смещается в Азию, это без всяких сомнений. И, конечно, надо быть ближе к этим центрам развития» [14]. В развитии положений Концепций внешней политики России можно также отметить поступательное и последовательное усиление постулируемого поворота [7] — «смещение мирового потенциала силы и развития на Восток, в первую очередь, в Азиатско-Тихоокеанский регион» [9].

В резолюции X Санкт-Петербургского международного форума объединенных культур, прошедшего в сентябре 2024 года, была отражена роль культурной дипломатии в повороте России на Восток и построении полицентричного мироустройства. На форуме были затронуты вопросы социокультурного характера — де факто вопросы обеспечения цивилизационной безопасности. В частности, в резолюции была «подчеркнута необходимость активно участвовать в реализации конкретных инициатив международного культурно-гуманитарного сотрудничества, создавать безопасную информационную среду в СМИ и Интернете для подрастающего поколения и способствовать объективному культурно-историческому освещению», и был сделан акцент на «безальтернативности выстраивания взаимодействия между народами на основе взаимоуважения и представления о культуре каждого из них как о неотъемлемой части мировой культуры и многополярного мироустройства» [1]. Такой подход согласу-

ется с действующими политико-правовыми актами ряда незападных государств, в том числе с Концепцией национальной безопасности Монголии, провозглашающей одной из целей государства обеспечение цивилизационной безопасности страны.

Поворот России на Восток знаменует открытие новых возможностей укрепления положения в мироустройстве — как державы-цивилизации. Одновременно с приходом в Восточную Азию России в таком «статусе» новые возможности для раскрытия в диалоге с ней своих потенциалов как государств-цивилизаций могут получить Китай и Монголия. Дело в том, что ключевым звеном Восточной Азии как динамично развивающегося мирового региона является абсолютно нейтральное к государственным границам переплетенное цивилизационное пространство Центральной Евразии, которое дифференцировано по центрам в трех государствах-цивилизациях — их объединяет протянувшаяся из древности до наших дней общая история и общий путь Большой исторической России, Большого исторического Китая и Большой исторической Монголии. Эта общая история целиком и фрагментарно прослеживается в многовековых границах империй, имевших центры в трех странах, в границах возникшего в XX веке социалистического лагеря и в границах нынешнего экономического коридора Россия — Монголия — Китай. Несмотря на резкое отставание Монголии от своих соседей — от России на севере и от Китая на юге, по показателям, характеризующим ее политический вес и экономический и военный потенциал (Рис. 1), Монголия является таким же, как ее соседи, ядром отдельной цивилизации.

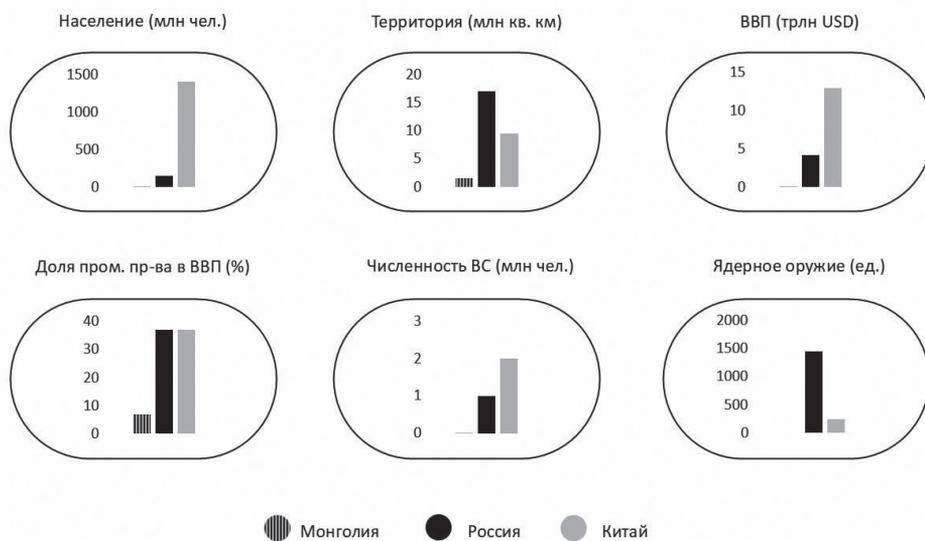

Рис. 1. Сравнение потенциалов Монголии, России и Китая

Символом актуализации цивилизационного содержания истории Монголии может служить недавно открывшийся в Улан-Баторе крупнейший в мире Музей Чингисхана — культурно-научный центр, чьи выставочные залы представляют посетителям этапы долгой цивилизационной истории Внутренней Азии — всех возникавших на территории Монголии государств и империй. Посредством экспозиций музей показывает политические процессы и геополитическое положение рождавшихся государств, мощные внутренние и внешние влияния в истории Внутренней Азии. По результатам археологических изысканий в Монголии были пополнены экспозиции древних кочевых государств — Империи Хунну, Сяньби, Тюркского и Уйгурского каганатов. Самое мощное историко-культурное и политико-экономическое влияние оказало Великое Монгольское государство, поэтому музей и назван в честь Чингисхана. Он показывает, какую роль монголы сыграли в истории Евразии в XIII–XIV веках, включая Империю Юань, Чагатайское государство и Золотую Орду, располагавшихся во Внутренней, Восточной и Средней Азии, а также в мировой истории в целом.

Посетители музея могут увидеть, как монголы жили начиная с XVIII века, находившись между Цинской и Российской империями, и как монголам, потомкам Чингисхана, в начале XX века удалось восстановить независимость, основав свое государство между двумя империями. Музейные экспонаты показывают, что Монголия как государство-цивилизация представляет собой политически оформленное ядро цивилизации народов Внутренней Азии, поскольку сохраняла статус независимого государства, территория которого еще с домонгольских времен (с III века до н.э.) служила метрополией объединявших огромные территории Евразии империй. Более того, великие империи кочевых народов, начиная с государств, каганатов и ханств хунну, сяньби, жужаней, тюрков, киданей и заканчивая Великой монгольской империей, Джунгарским ханством и Маньчжурской империей Цин, послужили изначальным связующим узлом в общем для трех цивилизаций (Монголии, России и Китая) пространстве Центральной Евразии с центром в Монголии и окружающей ее Внутренней Азии.

Таким образом, название «монгольская цивилизация» свидетельствует не о признании заслуг монголов в создании особой локальной цивилизации, а о признании Монголии центром пространства, в котором развивалось и концентрировалось творчество народов огромного региона Внутренней Азии, на чем и сделан акцент в распределении экспозиции музея по этажам [15] — по этапам кочевой (монгольской) цивилизации. В первых выставочных залах находятся экспонаты, рассказывающие об истории самых древних из известных исторической науке племен и народов, населявших территорию современной Монголии. Так, в зале третьего этажа собраны редкие и ценные археологические памятники Хунну — первого государства кочевников, зародившегося на территории Монголии и охватившего обширные пространства

Евразийских степей: артефакты бронзового века, украшения знати, первые предметы искусства и колесницы, редкие находки времен Сяньби, артефакты из захоронений Жужаньского каганата, а также самый ранний письменный памятник монгольского языка Хуйс толгой.

На четвертом этаже находится экспозиция, посвященная истории, культуре и обычаям древних кочевых государств. Их народы, населявшие территорию современной Монголии, оставили после себя богатое историко-культурное наследие. В зале древних кочевых государств представлены каменные изваяния, стелы, артефакты из погребальных комплексов Тюркского каганата, Уйгурского каганата и Киданьского государства. Среди них особого внимания заслуживают находки из погребального комплекса Шороон бумбагар — полный комплект одежды кочевницы раннего средневековья, найденный в пещерном захоронении, артефакты из киданьских городищ, зубная щетка тысячелетней давности и др. Через изображения, археологические находки и реконструкции представлен быт кочевников Монголии того периода: убранства храмов, покои ханов и князей, одеяния слуг. Фактически эти этажи демонстрируют периоды, предшествовавшие появлению монголов как этнокультурной общности, и тот исторический этап, когда эта общность зародилась. Однако можно сказать, что все они являются отдельными фазами в истории кочевой цивилизационной общности Внутренней Азии, а упадок и возвышение ряда этнокультурных и государственных систем характеризует надломы и подъем при транзите из одной фазы в другую (Рис. 2).

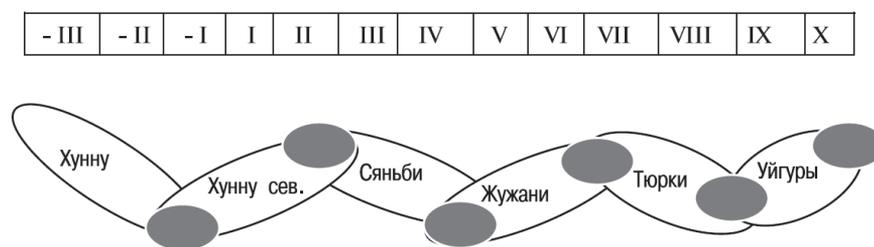

Рис. 2. Цивилизационные надломы в истории общности Внутренней Азии (III век до н.э. — X века н.э.)

Фактически представленные экспозиции освещают шесть с половиной периодов в истории монгольской цивилизации. Первый период (III век до н.э. — I до век н.э.) связан с «универсальным» государством хунну, которое имело свою правовую традицию, письменное делопроизводство, культуру и даже полноценные города и на долгое время заложило единую религиозную основу у кочевников Евразии в виде культа поклонения небу. Второй период (I век до н.э. — II век н.э.) — исход основной части хунну на юг и запад, появление на исторической сцене сяньби, возвысившихся уже в третий

период (II–IV века): пережив значительные этнокультурные трансформации, де факто интегрировав в свое общество оставшихся и вернувшихся в родной регион хунну, сяньби смогли овладеть территориями, которые ранее находились под контролем империи хунну. Четвертый период (IV–VI века) отмечен появлением жуаньжуанского каганата и его противостоянием с Северной Вэй. Пятый период (VI–VIII века) связан с тюрками, которые строят высоко развитые для того исторического периода города, способствуют синкретизму шаманизма, тенгрианства и буддизма. В шестой период (VIII–X века) возвышаются пестрые культурно и этнически ханства уйгуров и киргизов, а наряду с тенгрианством и шаманизмом в религиозной жизни евразийских степей начинают распространяться манихейство и христианство. Седьмой период кочевой цивилизации охватывает X–XII века — кризис империи киданей, во главе которой стояли конфуцианско-буддийские правители и возвышение многочисленных монгольских династий, которые в силу значительной этнокультурной и религиозной пестроты не стали устойчивыми государственными системами. Конфуцианская модель киданей также не получила признания среди степняков и не была продолжена: кочевники в основном исповедовали тенгрианство, несторианство или буддизм. XII век ознаменовывает конец периода и начало нового — Чингисхан создает монгольское государство на иных принципах организации, что позволило ему стать сильнейшей державой в регионе.

Пятый этаж связан с концом седьмого периода — посвящен Великому Монгольскому государству, роду Чингисхана и самому хану, построившему одну из самых протяженных континентальных, многонациональных и веротерпимых империй в истории. С него началась та историческая эпоха, которая характеризуется наиболее активным межцивилизационным взаимодействием в Центральной Евразии. В залах представлены экспонаты, связанные с историей Великого Монгольского государства, в частности рукопись генеалогического дерева Чингисхана, петроглифы Рашаан-хада, в которых выгравированы родовые тамги монгольских племен, восковая фигура Хабул-хана, печать Гуюг-хана, стела хана Мункэ, копия письма монгольского хана Папе Римскому, а также многочисленные украшения и предметы быта монгольских ханов и знати.

Шестой этаж занимает выставка, демонстрирующая масштаб того цивилизационного пространства, которое часто именуется Монгольским миром, Большой или исторической Монголией и охватывает земли от России до Китая. Экспозиции посвящены Монгольской империи и ее улусам, государствам-продолжателям: Золотой Орде, Ильханату, Чагатайскому улусу и Империи Юань. Выставленные артефакты (шелка, предметы гардероба и рукописи) несут в себе признаки взаимного влияния монгольской цивилизации и цивилизаций, с которыми она переплелась при расширении границ Великого монгольского государства. Данный зал отражает два периода

монгольской цивилизации: восьмой период (XII–XIV века) характеризуется новым балансом сил и формированием общества, основанного на сочетании кочевого образа жизни и городского хозяйства, военной мобилизации и попытки установить имперскую власть над Евразией. Немаловажными атрибутами нового государственно-социального устройства стали сакрализация правителя, укрепление тенгрианства и политика веротерпимости. Распад империи обусловил возвращение значительной части монгольской правящей элиты на место зарождения цивилизации. Девятый период (XIV–XVI века) ознаменовался поиском способа воссоединения вернувшихся монголов с теми, кто не покидал изначального ландшафта: политическая и культурная разобщенность была характерным признаком монгольского общества того времени. Разразившиеся к концу периода братоубийственные войны указывают на углубляющийся кризис, который потребовал нового ответа на исторический вызов. Им стало создание нового религиозного направления — северного буддизма, превратившегося в мировое религиозное течение благодаря продуманной политике монгольских духовных и светских лидеров.

Седьмой этаж украшают экспозиции, посвященные аристократам и ханам-чингизидам и представляющие длительный исторический период от распада империи Чингисхана до начала XX века. Исторические документы, печати халхаских хошунных нойонов, государственная печать Богдо-хана, старинные картины, знамена, доспехи и оружия, шахматы, тысяча статуй Будд работы первого Богдо-гэгэна Монголии, правителя Халхи, Дзанабадзара украшают зал и, наряду с одеждой и драгоценностями, принадлежавшими не только монгольской знати, но и аристократам маньчжурской династии Цин, повествуют о новом историческом периоде в истории Монголии, когда государство на длительное время утратило суверенитет, но монголы смогли сохранить цивилизационную идентичность, в том числе посредством северного буддизма. Он связан с десятым периодом (XVI–XVIII века), когда Внешняя Монголия находилась в самоизоляции, гарантом которой и стремились стать маньчжуры. Отношения между монголами и маньчжурами были сложными, усугублялись внутренними раздорами между монгольскими князьями, часто обращавшимися за помощью к Цинским императорам. Маньчжуры стремились сохранить традиционные привилегии степной аристократии, долгое время не стремясь радикально изменить образ жизни кочевников. Однако по мере развития нового религиозного монгольского общества происходили изменения в общественной структуре: вокруг кочевых монастырей возникали временные поселения, и монастыри становились центрами мирской жизни. Также к северным границам Монголии подошли границы России, близкие на этнокультурном уровне монголам буряты вошли в состав державы Белого царя. Таким образом, изоляция была нарушена и наступил новый переходный и кризисный период в истории монгольской цивилизации.

В этой связи особенно символичны экспонаты, представленные подарками русского царя монгольскому премьер-министру из династии Чингисхана, которые подчеркивают историческую преемственность роли великой континентальной евразийской державы (Российской империи после Монголии) и будущую поддержку России в обретении монгольским государством независимости. Такой сменой ролей характеризуется одиннадцатый период цивилизационного развития Внутренней Азии (XVIII–XX века) — активное вовлечение Внешней Монголии в сферы влияния Российской и Цинской империй. При этом на Внешнюю Монголию власть маньчжурского Пекина распространялась преимущественно в бюрократическом виде и посредством политических рычагов давления, без попыток культурной ассимиляции и резкого изменения кочевого образа жизни или религиозной идентичности проживавших там монголов, в отличие от Внутренней Монголии, испытывавшей значительно большее влияние маньчжурских властей. За века раздельного существования две части региона диверсифицировались как в политическом, так и в культурном плане. Россия стала для западных и северных монголов культурным ориентиром и опорой в отстаивании своей идентичности в расколоте Внутренней Азии, что, вероятно, с исторической точки зрения и предопределило в дальнейшем развитие национально-освободительного движения и суверенитет Внешней Монголии от Китая, но не Внутренней.

Восьмой этаж подводит итог представленным в музее историческим эпохам. Он посвящен монгольскому наследию, в том числе памятникам, вошедшим в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Среди экспонатов зала «Мир и монголы: зал монгольской гордости» — артефакты из Каракорума, монеты монгольских ханов, многочисленные доспехи и оружие, копии свитка японского императорского дворца со сценой монгольского вторжения и письма монгольским ханам, иные произведения и скульптуры Дзанабадзара, юрта монгольского аристократа. Девятый этаж музея — символическое изображение огромной монгольской юрты, церемониальный купольный зал в честь Чингисхана и других великих правителей Монголии. Напротив входа в «Зал почета великого Чингисхана», в самом почетном по обычаю монгольского народа месте, установлена золотая статуя Чингисхана. Купол здания символизируют верхнюю часть юрты монгольской знати, а интерьер зала напоминает ее войлочные стены.

Единственные периоды в развитии монгольской цивилизации, не представленные в Национальном музее Чингисхана, относятся к Монгольской Народной Республике и современной Монголии, что соответствует двенадцатому периоду развития кочевой цивилизации. Однако музей подробно иллюстрирует предыдущие исторические этапы, наглядно показывая, что монгольская (кочевая) цивилизация выходит далеко за рамки только Монгольской империи, которая сама была наследницей гегемонов евразийских степей. Апогеями могущественного политического воздействия оби-

тавших в Монголии народов на окружающий мир были создаваемые ими на протяжении почти двух тысячелетий великие кочевые империи.

В XXI веке обращение к исторической роли Внутренней Азии как колыбели периодически возникавших империй, как своеобразному «пульсирующему Риму» Центральной Евразии может обрести особую форму политического творчества. Выступая как государства-цивилизации, Монголия и Россия могут подтолкнуть друг друга к совместной выработке общего политического курса, а возникающая при этом синергия поведет страны по привычному вектору с образованием во Внутренней Азии общего центра. Вероятно, к ним присоединится и Китай, и тогда можно будет выстраивать на обширной части евразийского пространства новую политическую архитектуру с включением в нее государств, некогда входивших в состав России/СССР, Великой Монгольской и Маньчжурской империй и Джунгарского ханства. Начальным этапом станет развитие российско-монгольских отношений на новой основе — как государств-цивилизаций, для чего необходимы соответствующие политико-правовые основания.

В Статье 4 Концепции внешней политики Российской Федерации (2023) страна провозглашена «государством-цивилизацией». В Концепции национальной безопасности Монголии в 1994 году была заявлена необходимость защиты «безопасности монгольской цивилизации» (Статья 3.1.4. «Цивилизационная безопасность») [12], а в Статье 24 Концепции внешней политики Монголии (2011) отмечено, что цель ее культурной внешней политики и гуманитарного сотрудничества — развитие как общих «достижений мировой культуры», так и «национальной цивилизации», ее «уникального наследия» [13]. Таким образом, основополагающие внешнеполитические юридические акты двух держав придают политике цивилизационное измерение, которое должно учитываться и в развитии российско-монгольских отношений в рамках многостороннего взаимодействия на международной арене с иными странами.

Вместе с тем в двусторонних договорах России и Монголии цивилизационный фактор обозначен не так явно. Например, в Статье 9 Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве двух государств (2019) содействие межцивилизационному диалогу России и Монголии упоминается наряду с межкультурным и межконфессиональным сотрудничеством внутри Азиатско-Тихоокеанского региона [4]. При этом в договорах, закладывавших юридические основания российско-монгольских отношений в прошлом (Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией (1993) [5] и Соглашение о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местными администрациями Монголии (2000) [17]), не содержатся формулировки, хоть как-то обозначающие межцивилизационное взаимодействие двух стран.

В «мягко-правовых» (не накладывающих жестких международных юридических обязательств, но остающихся политическими нормативными «регуляторами») Улан-Баторской Декларации о развитии стратегического партнерства (2009) и Московской Декларации (2006) цивилизационный фактор упоминается редко. В Улан-Баторской декларации лишь один раз провозглашается, что «Российская Федерация и Монголия подтвердили необходимость... развития межцивилизационного, межкультурного и межконфессионального диалогов как эффективных инструментов пресечения террористической идеологии» [3], а в Московской декларации единожды упоминается, что «Россия и Монголия подчеркивают необходимость уважения культурно-цивилизационного многообразия современного мира» [16]. В то же время в Улан-Баторской Декларации 2000 года цивилизационное измерение двусторонних отношений вообще не упоминалось [18]. Таким образом, сформулированные в основополагающих внешнеполитических документах положения, затрагивающие цивилизационное пространство двух государств, отходят на второй план в документах двусторонних, регулирующих российско-монгольские отношения в области межцивилизационного взаимодействия.

Тем не менее, отдельные пункты российско-монгольских договоров и деклараций затрагивают проблематику, позиционируемую в основополагающих внешнеполитических актах как цивилизационную. Прежде всего они касаются российско-монгольского сотрудничества в области культуры и гуманитарных отношений, в частности в сфере науки и образования, выстраивания межконфессионального, межэтнического и межкультурного диалога, но охватывают и более конкретные вопросы сотрудничества приграничных регионов. На индивидуальном уровне активно и в чуть меньшей степени на двустороннем уровне Россия и Монголия заявляют стремление к защите родных языков, культур, исторической памяти и уникального наследия народов, представляющих русскую и монгольскую цивилизации, пусть и не всегда в прямой привязке к цивилизационному дискурсу.

Также к проблематике межцивилизационного взаимодействия можно отнести вопросы строительства многополярного мира для России и защиты цивилизационной безопасности для Монголии, поскольку они вытекают из тех же исторических оснований, что и цивилизационный дискурс, развиваемый в фундаментальных внешнеполитических актах двух государств-цивилизаций. На региональном уровне межцивилизационное взаимодействие было обозначено Россией и Монголией в Статье 9 Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве двух государств (2019), причем географические границы «межцивилизационного, межкультурного и межконфессионального диалогов между государствами региона» были обозначены весьма широко: «пространство Евразии» и «Азиатско-Тихоокеанский регион» [4]. Для развития данного направления

следует интенсифицировать межцивилизационное взаимодействие России и Монголии на региональном и межрегиональном уровне, в том числе в рамках крупных международных организаций и объединений, таких как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и БРИКС (или взаимодействия с ними).

У Монголии для интенсификации данного направления внешней политики совместно с Россией оснований не меньше, чем у России с Монголией. С практической точки зрения укрепление взаимодействия с региональными организациями, стремящимися совместными усилиями поддерживать мир и бороться с преступностью в Евразии, будет гарантировать Монголии национальную и цивилизационную безопасность, что выгодно и России ввиду снижения потенциальных рисков безопасности в ближнем зарубежье. Опыт Казахстана, прибегшего к помощи ОДКБ в 2022 году, показал, что региональные организации безопасности могут содействовать поддержанию мира внутри евразийских стран без рисков для государственного суверенитета, а вступление в ШОС Индии и Пакистана продемонстрировало готовность «третьих соседей» Монголии (Индия признана таковым МИДом Монголии [2]) к сотрудничеству с Россией, Китаем и друг с другом в области обеспечения безопасности на континенте, несмотря на политические противоречия между ними и пестрый цивилизационный состав ШОС. Активизация сотрудничества Монголии с данными организациями будет способствовать обеспечению ее внутренней и внешней национальной и цивилизационной безопасности при сохранении ею внеблокового статуса, международного нейтралитета и возможности выстраивать продуктивную политику совместно с историческими соседями в лице России и Китая и странами коллективного Третьего соседа.

Соглашение о свободной торговле с ЕАЭС, несомненно, будет выгодно как для Монголии, так и для стран экономического союза. Причем Монголия таким образом сможет сгладить те диспропорции, которые существуют в ее торговле, прежде всего ориентированной на КНР, и продолжит традицию выстраивания независимой и нейтральной внешней экономической и торговой политики, как уже заключившие подобные соглашения с ЕАЭС Вьетнам, Сербия, Иран, Сингапур и КНР и планирующие их заключить Израиль, Индонезия, ОАЭ, Египет и Индия [19]. БРИКС также представляется главным объединением для независимых стран в среднесрочной стратегической перспективе. Создаваемые им новые международные институты гарантируют суверенитет и безопасность государств, формируют новый многополярный мир и обеспечивают участником значимое место в системе международных отношений. Не менее важно и цивилизационное измерение БРИКС, который многие эксперты называют союзом государств-цивилизаций. Однако может ли он обладать полной исторической и цивилизационной легитимностью без должного участия страны, одной из первых обозначивших цивилизационную концепцию в своей внешней политике и являющейся исторической

наследницей одной из крупнейших держав в истории человечества, объединившей многие народы под крылом монгольской цивилизации? С цивилизационной и исторической точки зрения участие во всех указанных выше организациях и объединениях страны, представляющей цивилизацию, которая определила ход истории всей Евразии, закономерно и почетно как для Монголии, так и для государств-членов, причем, как и ее участие в глобальном процессе построения полицентричного мира, основывающегося на демократичных международных отношениях и защите своей идентичности, наследия и будущего.

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что конкретизация, консолидация и развитие «цивилизационных» положений основополагающих российско-монгольских политико-правовых актов будет способствовать как кристаллизации путей дальнейшего развития двусторонних отношений, так и интенсификации межцивилизационного взаимодействия на международной арене, инспирируемого Россией и Монголией, а потому представляется перспективным и значимым как для развития российско-монгольского сотрудничества, так и для построения полицентричного регионального и глобального миропорядка, основанного на сотрудничестве государств-цивилизаций.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Министерства образования и науки Монголии (MES). Проект № 24-48-03030 «Этнический фактор в развитии межцивилизационного диалога России и Монголии на современном этапе».

Библиографический список

1. В Петербурге на Форуме объединенных культур провозгласили итоговую резолюцию 13.09.2024 // URL: <https://rg.ru/2024/09/13/reg-szfo/v-peterburge-na-forume-obedinennyh-kultur-provozglasili-itogovuiu-rezoliuciiu.html>.
2. Гуравдагч хөршийн бодлого. [Политика Третьего соседа] // URL: <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%86%D0%B0%D0%B0/third-neighbors>.
3. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25.08.2009) // URL: <https://base.garant.ru/2569669/?ysclid=luqpd3525p817620587>.
4. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600.
5. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. 20.01.1993 // Бюллетень международных договоров. 1998. № 6.
6. Интервью заместителя Министра иностранных дел РФ А.Ю. Руденко МИЦ «Известия». 10.01.2023 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1846674.
7. Как менялась Концепция внешней политики России. 31.03.2023 // URL: <https://tass.ru/info/17418381>.
8. *Караганов С.А., Макаров И.А.* Поворот на Восток: итоги и задачи // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2015. Приложение. .
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (12.02.2013) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094>.

10. Korolev A. Russia's reorientation to Asia: Causes and strategic implications // Pacific Affairs. 2016. Vol. 89.
11. Кортунов А.В. Сергей Витте и первый поворот России на Восток // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sergey-vitte-i-pervyy-povorot-rossii-na-vostok/?sphrase_id=152465888.
12. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал. Тав. Соёл, хүмүүнлэгийн гадаад харилцааны бодлого [Концепция внешней политики Монголии. Часть 5: Внешняя политика в области культуры и гуманитарного сотрудничества] // URL: <https://mfa.gov.mn/documentation/55655>.
13. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // URL: <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы>.
14. Московская декларация от 8.12.2006 // URL: https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskih-otnosenij/-/asset_publisher/xut60ysypd60/content/moskovskaa-deklaracia-ot-8-dekabra-2006-g-.
15. Путин заявил о смещении центра развития в Азию. 7.06.2024 // URL: <https://tass.ru/politika/21039559>.
16. Сайт Национального музея Чингисхана // URL: <https://chinggismuseum.com>.
17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов РФ и местными администрациями Монголии. 14.11.2000 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46796.
18. Торговые соглашения Евразийского экономического союза // URL: <https://eec.eaunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya>.
19. Улан-Баторская Декларация. 15.11.2000 // URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1709886&lang=ru>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1133-1147

EDN: PIGXSQ

Political-legal foundations of interaction between Russia and Mongolia as states-civilizations*

A.S. Zhelezniakov^{1,2}, S.V. Nikiforov^{1,2}, S. Chuluun³

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²Moscow State Institute of International Relations,
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia

³Chinggis Khaan National Museum,
J. Sambuu St., Chingeltei district, Ulaanbaatar, 15160, Mongolia

(e-mail: zhelezniakovas@yahoo.com; ursus-arktos@yandex.ru; samchuluun@gmail.com)

Abstract. Under the formation of a polycentric world order, the analysis of the existing social-cultural and political-legal foundations for the development of inter-civilizational dialogue becomes especially relevant. For Russia, the priority task is to find new grounds in the turn

*© A.S. Zhelezniakov, S.V. Nikiforov, S. Chuluun, 2024

The article was submitted on 24.06.2024. The article was accepted on 14.10.2024.

to the East to intensify relations with the countries of the Global South and border states. The authors use the tools of civilizational political science to consider the political-legal foundations of interaction between Russia and Mongolia as states-civilizations — the contractual basis and political discourse that determine the key directions of development of relations between Russia and Mongolia under Russia's turn to the East. The authors assess the representation of the civilizational factor in the historical and currently valid political-legal documents; propose ways for its strengthening through the consolidation of those provisions that affect the civilizational dimension of bilateral relations in the interests of specifying and intensifying Russian Mongolian cooperation. Based on the materials of the exposition in the National Museum of Chinggis Khaan (Mongolia, Ulaanbaatar), the article provides a brief description of the stages of development of the Mongolian civilization and its historical-cultural heritage as a platform for intercivilizational and interstate cooperation in the form of bilateral relations between Russia and Mongolia, the Russia-Mongolia-China triangle and more global forms of interaction with the participation of the states-civilizations of Eurasia and BRICS. As a result of the conducted research, the authors show, on the one hand, the insufficiency and fragmentation of the regulation of Russian-Mongolian relations at the level of bilateral agreements; on the other hand, significant provisions of a “civilizational” nature in the fundamental foreign policy documents of both countries. Together with the need to formalize inter-civilizational cooperation at the international level and the historical role of the Mongolian and Russian civilizations in Eurasia, this allows to identify some prospects for developing such provisions and introducing new ones in the international regulatory frameworks by both Russia and Mongolia in order to ensure a solid value-ideological, social-cultural and political-legal foundation for a polycentric world.

Key words: civilizational political science; states-civilizations; intercivilizational interaction; Russian Mongolian relations and international treaties; Mongolian civilization; Russian civilization

Funding

The study is funded by the grant of the Russian Science Foundation and the Ministry of Education and Science of Mongolia (MES). Project No. 24-48-03030 “Ethnic factor in the development of intercivilizational dialogue between Russia and Mongolia at the present stage”.

References

1. In Saint Petersburg, at the Forum of United Cultures, the final resolution was announced on September 13, 2024. URL: <https://rg.ru/2024/09/13/reg-szfo/v-peterburge-na-forume-obedinennyh-kultur-provozglasili-itogovuiu-rezoliuciuu.html>. (In Russ.).
2. The policy of the Third Neighbor. URL: <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%86%D0%B0%D0%B0/third-neighbors>. (In Mongolian).
3. Declaration on the Development of the Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia (Ulaanbaatar, August 25, 2009). URL: <https://base.garant.ru/2569669/?ysclid=luqpd3525p817620587>. (In Russ.).
4. Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600. (In Russ.).
5. Agreement on Friendly Relations and Cooperation between the Russian Federation and Mongolia on January 1, 1993. *Bulletin of International Treaties*. 1998; 6. (In Russ.).
6. Interview with Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation A.Yu. Rudenko. January 10, 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1846674. (In Russ.).
7. How the concept of Russia's foreign policy has changed. March 31, 2023. URL: <https://tass.ru/info/17418381>. (In Russ.).
8. Karaganov S.A., Makarov I.A. Turn to the East: Results and tasks. *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*. 2015; Supplement. (In Russ.).

9. Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. February 12, 2013. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094>. (In Russ.).
10. Korolev A. Russia's reorientation to Asia: Causes and strategic implications. *Pacific Affairs*. 2016; 89.
11. Kortunov A.V. Sergey Witte and Russia's first turn to the East. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sergey-vitte-i-pervyy-povorot-rossii-na-vostok/?sphrase_id=152465888. (In Russ.).
12. Foreign Policy Concept of Mongolia. Part 5. Cultural and Humanitarian Foreign Policy. URL: <https://mfa.gov.mn/documentation/55655>. (In Mongolian).
13. Concept of National Security of Mongolia. URL: <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы>. (In Mongolian).
14. Moscow Declaration. December 8, 2006. URL: https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskih-otnosenij/-/asset_publisher/xut60ysypd60/content/moskovskaa-deklaracia-ot-8-dekabra-2006-g-. (In Russ.).
15. Putin announced the shift of the center of development to Asia. June 7, 2024. URL: <https://tass.ru/politika/2103955916>. (In Russ.).
16. Website of the Chinggis Khaan National Museum. URL: <https://chinggismuseum.com>.
17. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Mongolia on the Principles of Cooperation between the Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation and Local Administrations of Mongolia. November 11, 2000. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46796. (In Russ.).
18. Trade Agreements of the Eurasian Economic Union. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya>. (In Russ.).
19. Ulaanbaatar Declaration. November 15, 2000. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1709886&lang=ru>. (In Russ.).